

нодателя к установлению возраста уголовной ответственности [2, с.94–95; 4, с.209–211] за сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов заведомо несовершеннолетнему с восемнадцати лет.

Совершенствование рассмотренных признаков, на наш взгляд, способствует формированию положительной правоприменительной практики и позволит избежать ошибок при уголовно-правовой оценке.

Литература

1. *Грунтов, И.О.* Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И.О. Грунтов. – Минск: Тесей, 2012. – 366 с.
2. *Клименко Т.М., Малинин В.Б.* Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических, психотропных, ядовитых и иных сильнодействующих веществ. – СПб.: МИЭП при МПА ЕВрАзЭс, 2014. – 264 с.
3. *Любавина, М.А.* Квалификация преступлений, предусмотренных ст.ст. 228 и 228.1 УК РФ : учебное пособие / М. А. Любавина. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – 176 с.
4. *Романова, Л.И.* Наркопреступность: криминологическая и уголовно-правовая характеристика: учеб.-метод. пособие / Л.И. Романова. – 2-е изд. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2009. – 314 с.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой Представителей 2 июня 1999 г.; одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.: с изм. и доп. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
6. Уголовный кодекс Республики Казахстан // [Электронный доступ]. – 2017. – Режим доступа: <http://prokuror.gov.kz/rus/gosudarstvo/novye-zakony/ugolovnyy-kodeks-respubliki-kazahstan>. Дата доступа: 27.04.2017.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации // [Электронный доступ]. – 2017. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=191695;fld=134;dst>

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РЕШЕНИЯ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА

А. В. Козловский

Вопрос о правовой природе решения третейского суда является одним из наиболее дискуссионных в научной литературе, важность разрешения которого неоспорима, т.к. определение правовой природы решения третейского суда позволит правильно определить место этого акта в правовой системе, надлежащим образом урегулировать отношения, возникающие в сфере третейского разбирательства дел, определить направление формирования правоприменительной практики.

Правовая природа решения третейского суда связана с природой самого третейского разбирательства и должна рассматриваться в соответствующем контексте.

Существует четыре наиболее распространенные концепции (теории) правовой природы третейского разбирательства (арбитража): договорная (консенсуальная), процессуальная (юрисдикционная), смешанная и автономная концепции. При этом, что очень важно, договорная, процессуальная и смешанная концепции используют в качестве своего обоснования правовую природу решения третейского суда [1].

Последователи договорной теории (Ф.Мэрлен, А.Вейсс, Ф.Клейн и др.) полагают, что арбитраж является институтом договорно-правовым [2, с. 49-50]. Цель третейского соглашения, которое имеет чисто гражданско-правовой характер, состоит в получении третейского решения, регулирующего спор между сторонами и которому стороны подчиняются [6, с. 5]. Решение, по их мнению, как и третейское соглашение, носит договорный характер, оно является лишь выполнением поручения, данного сторонами арбитрам [2, с. 50]. Сторонники договорной теории арбитража рассматривают третейское соглашение и решение как две части единого договора – договора об арбитраже [3, с. 27]. В арбитражном решении выражена исключительно воля сторон. При этом обязательность принятого решения, по мнению сторонников рассматриваемой концепции, также обусловлена волей сторон [4, с. 78].

Представляется, что указанная концепция имеет ряд недостатков, которые не позволяют ей в полной мере объяснить феномен третейского разбирательства дел. Указанная теория не воспринята белорусским законодателем в качестве единственной или хотя бы основной, что подтверждается нормами белорусского законодательства, в частности, о способах защиты прав из договора и из решения третейского суда, которые существенно различаются. Если в первом случае имеет место исковая защита, то во втором – приведение решения третейского суда в исполнение [5, с. 241].

Последователи процессуальной теории (А.Лене и др.) указывают, что арбитры, подобно судьям, разрешают споры и устанавливают обоснованность соответствующих утверждений сторон, придерживаясь при этом правил процедуры, основывающихся на порядке рассмотрения дел в судебных учреждениях. Принимая решения, арбитры являются совершенно независимыми и не подчиняются ни в чем контролю сторон [2, с. 58]. По мнению сторонников указанной теории, арбитраж есть особая форма отправления правосудия, что является функцией государства, и если последнее разрешает сторонам прибегать к арбитражу и соглашается прекращать в таких случаях деятельность своих судов, то это значит,

что содержание арбитража заключается в осуществлении публично-правовой функции, а, следовательно, третейское решение есть судебное решение [3, с. 25].

Анализ белорусского законодательства позволяет сделать вывод, что процессуальная теория не нашла полной поддержки у белорусского законодателя. В Республике Беларусь имеет место монополия государственных судов на отправление правосудия, и третейские суды не входят в судебную систему государства (ст. 5 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей). Решение третейского суда не обладает статусом решения государственного суда, что находит свое отражение в правовом регулировании. Так, для принудительного исполнения решения третейского суда необходима его проверка государственным судом в порядке, предусмотренном законодательством. Только после прохождения такой проверки может быть выдан исполнительный документ. В то время как исполнительный документ на решение государственного суда выдается после вступления этого решения в законную силу без проведения дополнительных процедур.

Суть смешанной теории (*sui generis*) заключается в признании за арбитражем статуса «смешанного института, содержащего элементы договорного порядка по своему генезису и элементы процессуально-правового порядка по своему юрисдикционному характеру» [3, с. 32]. Согласно этим воззрениям такие вопросы как действительность арбитражного соглашения, в том числе правоспособность и дееспособность сторон, сама возможность арбитража относятся к области договорной и могут быть разрешены лишь с применением общих положений о договорах. Но вместе с тем арбитражное производство, предъявление исковых требований, вопросы доказательств, процедура разбирательства, вынесение решения, его исполнение и обжалование относятся к области гражданско-процессуальной с соответствующими особенностями, присущими арбитражу [3, с.32-33]. В обобщенном виде сторонники рассматриваемой концепции считают, что арбитраж является «сложным, комбинированным явлением, которое имеет свое начало в гражданско-правовом договоре и получает процессуальный эффект на основании конкретного национального законодательства» [4, с. 82]. Последователи смешанной теории хоть и относят решение третейского суда к области регулирования процессуального права, но в то же время не отождествляют его с судебным решением, что обусловлено частноправовой природой самого арбитража [1].

Указанная концепция, на наш взгляд, более близко (хотя и не полностью) подходит к объяснению рассматриваемого феномена в том виде, в котором его понимает белорусский законодатель. Однако нельзя сказать,

что эта теория в полной мере объясняет все аспекты третейского разбирательства дел в Республике Беларусь. Так, отмечается, что недостаток данной теории в том, что материально-правовые компоненты она фактически относит к предмету регулирования гражданского права, а процессуальные – к предмету регулирования гражданского процессуального права, что не совсем корректно, т.к. характер третейского разбирательства не позволяет включить его (третейское разбирательство) хоть в какой-то части ни в предмет регулирования гражданского материального права, ни в предмет регулирования гражданского процессуального права [7, с.48].

В 60-е годы XX в. была разработана еще одна теория правовой природы третейского разбирательства – «автономная», автором которой является французский ученый Ж. Рюбеллен-Девизи [6, с.8]. Согласно данной концепции арбитраж должен являться наднациональным образованием, независимым от влияния любого национального права [8, с.76]. Применительно к анализу третейских решений эта теория любопытна прежде всего в контексте тенденции децентрализации арбитража, одним из проявлений которой является возможность приведения в исполнение арбитражного решения, ранее отмененного по месту вынесения [1]. В отечественной юридической литературе отмечается, что эта теория не ставит целью объяснить правовую природу арбитража, а обосновывает принцип автономии воли сторон в выборе материальных и процессуальных норм, и поэтому не рассматривается в качестве альтернативы уже описанным теориям [9, л.17]. В то же время следует отметить, что ценность указанной концепции состоит в том, что она вывела проблему определения правовой природы третейского разбирательства за рамки традиционной альтернативы, предложенной предыдущими концепциями [7, с.49].

Подводя итог рассмотрению правовой природы третейского решения с позиций классических теорий третейского разбирательства, следует отметить, что проявление отдельных элементов каждой из них можно найти в положениях нормативных правовых актов Республики Беларусь. Однако сложность и многогранность такого явления, как решение третейского суда, не позволяет полностью «поместить» его в рамки одной из рассмотренных теорий.

По-нашему мнению, вышеизложенное позволяет говорить о третейском решении как об особом правовом институте, который невозможно в полной мере охарактеризовать конструкциями рассмотренных концепций. Озвученные вопросы требуют глубокой теоретической проработки для определения правовой природы решения третейского суда в праве Республики Беларусь.

Литература

1. *Чупахин, И.М.* Решение третейского суда: теоретические и прикладные проблемы // КонсультантПлюс: Россия. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». - М., 2017.
2. *Кейлин, А.Д.* Судостроительство и гражданский процесс капиталистических государств. Ч. 3. Арбитраж. – М.: Внешторгиздат, 1961. – 311 с.
3. *Лебедев, С.Н.* Международный торговый арбитраж / С.Н. Лебедев. – М.: Международ. отношения, 1965. – 219 с.
4. *Минаков А.И.* Арбитражные соглашения и практика рассмотрения внешнеэкономических споров / А.И. Минаков. – М.: Юрид. лит., 1985. – 144 с.
5. Третейское разбирательство в Российской Федерации: учеб. пособие / Курочкин С.А. [и др.]; под ред. О.Ю. Скворцова. М.: Волтерс Клувер, 2010. – 400 с.
6. *Курочкин, С.А.* Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика / С.А. Курочкин. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 272 с.
7. *Скобелев, В.П.* О преподавании третейского разбирательства в контексте его места в системе права и системе юридических наук / В.П.Скобелев // Актуальные проблемы юридического образования в контексте обучения альтернативному урегулированию споров как подходу к обеспечению прав человека : материалы Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 29 нояб. – 3 дек. 2016 г. / редкол. : С. А. Балашенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Изд. Центр БГУ, 2016. – С. 43–53.
8. *Котельников, А.Г.* Правовая природа арбитражного соглашения и последствия его заключения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / А.Г. Котельников. – Екатеринбург, 2008. – 288 л.
9. *Перерва, И.В.* Признание и приведение в исполнение решений международных арбитражных судов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / И.В. Перерва. – Минск, 2006. – 127 л.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Е. В. Король

В современной Беларуси сложилась такая ситуация, что статус государственных языков закреплен за двумя языками: белорусским и русским. Правовой статус государственных языков регулируется статьей 17 Конституции Республики Беларусь и Законом Республики Беларусь «Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь» от 26 января 1990 года. Данными актами регламентируются отношения в сфере взаимодействия органов государственной власти и должностных лиц с гражданами, в сфере судопроизводства и делопроизводства, в сфере юридической деятельности и т.п. При этом сложилась практика, что при закреплении в нашем государстве равенства двух языков в статусе государственных, фактически реализуется не равенство в их использовании, а равенство в праве выбора одного государственного языка. В государстве, где устанавливается такое равенство, необходимо, чтобы каждый гражданин владел обоими госу-